

«Слово о полку Игореве»: поиски контекста

Нижеследующий текст требует краткого разъясняющего пред-уведомления. Автор этих строк ни в коей мере не стремился к разностороннему рассмотрению такой проблемы, как реконструкция литературного контекста, в семантическом поле которого создавалось и бытовало «Слово о полку Игореве» (далее — СПИ). Как некогда было мудро сказано, «нельзя объять необъятное», так что мое намерение намного скромнее — охарактеризовать и оценить одну из тенденций в современных исследованиях, посвященных интерпретации и анализу СПИ, и, развивая эту оценку, предложить ряд собственных посильных соображений, относящихся к установлению литературного фона СПИ и истолкованию памятника.

Серьезнейшую сложность герменевтической природы, затрудняющую как анализ, так и интерпретацию СПИ, очень точно определил Б. М. Гаспаров в своей книге, впервые изданной в 1984 году: «Изучение художественной структуры “Слова о полку Игореве” является особой, уникальной исследовательской задачей. Понимание того, как организован художественный текст, в чем состоит его природа как произведения словесного искусства, в сильнейшей степени зависит от ряда предварительных сведений об этом тексте: знания <...> эпохи и культурного ареала, к которым он принадлежит, жанровой природы текста, литературной традиции, в которую он вписывается, наконец, степени сохранности дошедших до нас копий. Все эти сведения служат исходной точкой отсчета, определяющей тот угол зрения на рассматриваемый текст, под которым исследователю открываются внутренние закономерности его построения. Радикальное изменение этой исследовательской презумпции неизбежно ведет к столь же

радикальному изменению в понимании того, что представляет собой данный текст как художественное целое и какое значение имеют те или иные отдельные компоненты этого целого».¹

Между тем *любая* исследовательская презумпция в случае с анализом и интерпретацией СПИ лишена устойчивых оснований — вместо обретения твердой почвы интерпретатор рискует увязнуть в «болотах и грязивыхъ мѣстѣхъ». Как заметил известный медиевист О. В. Творогов, «историко-литературным исследованиям, разысканиям в области исторической поэтики и стилистики должна постоянно сопутствовать кропотливая археографическая и текстологическая работа, которая позволила бы с наибольшей полнотой воссоздать тот литературный фон, на котором возникли классические произведения древнерусской литературы — Повесть временных лет, Поучение Владимира Мономаха, древнейшие жития, “Слово о полку Игореве”».² Однако СПИ очевидным образом выбивается из ряда названных древнерусских памятников. Уникальность произведения даже не в том, что одно дошло до Нового времени в единственном позднем списке (то же самое случилось с Мономаховым Поучением, впрочем сохранившимся в рукописи гораздо более ранней и счастливо избегнувшей пожара); для СПИ нет очевидных аналогов не только в современной ему древнерусской словесности (да и в позднейшей нет тоже), но и в литературе других стран (для Поучения Владимира Мономаха такие аналоги отыскиваются, причем в очень широком пространстве — от Византии до англо-саксонской Британии). Показательны уже кавычки, в которые О. В. Творогов помещает название «песни» об Игоре, как это принято делать с произведениями собственно литературными — ни для Повести временных лет, ни для Поучения он не счел это нужным. И не случайно.

Разноречия в трудах, посвященных СПИ, возникают почти по любому поводу: что это — хвала или хула князя Игоря? Стихи или проза? Запись древнего эпоса, бытовавшего исконно в устной форме, или памятник книжной культуры? Полуязыческая «поэма» или христианский нарратив притчевого рода с назидательным смыслом? И — *last but not least* — аутентичный старинный текст или мистификация, рожденная «безумным и мудрым» XVIII веком?

Одна из наиболее решительных попыток найти место памятника в древнерусской словесности и тем самым дать ответ хотя бы на часть «проклятых» вопросов была предложена относительно недавно итальян-

¹ Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 5.

² Творогов О. В. Древнерусская книжность: (О Каталоге памятников) // Творогов О. В. Археография и текстология древнерусской литературы. М.; СПб., 2009. С. 191–192.

янским славистом Р. Пиккио, который осмелился опровергнуть почти общепризнанную мысль об уникальности СПИ, вписав его в контекст древнерусской книжности, носившей — тут ученый абсолютно прав — религиозный характер. Декларация Р. Пиккио: единственно правомерной является «интерпретация “Слова” не как эпического светского памятника (что было бы аномалией на фоне того религиозного целого, каким является древнерусская литература), но как текста, в котором присутствует религиозный лейтмотив».³ Ход рассуждений совершенно естественный — ни одно творение не возникает в вакууме, древнерусская книжность проникнута религиозными мотивами, значит, и в СПИ они должны доминировать. Однако проистекающая из этой презумпции интерпретация СПИ как повествования о небогоугодном походе, соотносящемся с походом в Сирию царей Израиля и Иудеи Ахава и Иосафата, закончившимся гибелью нечестивого Ахава (3-я Книга Царств, глава 22),⁴ оказывается насилием над текстом древнерусской «песни»: ради доказательства своей трактовки Р. Пиккио истолковывает возвеличивающую Игоря характеристику «поостри сердца своего мужеством» как слово осуждения, неправомерно понимая лексему *поострити* как ‘ожесточить’. Различную же участь гордеца Игоря, благополучно вернувшегося из плена, и нечестивца Ахава ученый объясняет покаянием Игоря, хотя СПИ не сообщает о таком покаянии ни слова, в отличие от повествования о походе Игоря в Ипатьевской летописи. Так вместо реального объекта исследования конструируется химерический текст, «слеplенный» из СПИ и летописного фрагмента.⁵

Впрочем, в рассказе Ипатьевской (Киевской) летописи князь кается отнюдь не в совершении самочинного и неурочного похода, а в недавнем разорении русского города Глебова. В тексте же Лаврентьевской (Суздальской) летописи, где действительно осуждается гордыня новгород-северского князя и его близких, покаяния нет вообще. Однако спасение

³ Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее — ТОДРЛ). СПб., 1996. Т. 50. С. 430—431.

⁴ Там же. С. 431—437.

⁵ Подробная и во многом сходная критика интерпретации Р. Пиккио содержится в написанных одновременно и независимо друг от друга статьях: Соколова Л. В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 91—92, 101—102; Рангин А. М. История в «Слове о полку Игореве»: «старые» и «нынешние» князья // Рангин А. М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 418—423.

князя Игоря (о покаянии которого ничего не сказано) описано в тексте Лаврентьевской летописи в абсолютно ином тоне — Игорь неожиданно причислен к праведникам и сопоставлен с царем Давидом: «И по малых днѣхъ ускочи Игорьъ князь у половець — не оставитъ бо Господь праведнаго в руку грѣшничю: очи бо Господни на боящаяся Его, а уши Его в молитву ихъ! Гониша бо по нем и не обрѣтоша, якоже и Сауль гони Давыда, но Богъ избави ѱ, тако и сего Богъ избави из руку поганых. А они вси держими бяху твердо, и стрегоми, и потвержаеми многими желѣзы и казнми».⁶

Причина такой обескураживающей метаморфозы не только в том, что фигура злосчастного новгород-северского князя в этом пассаже осмыслена и оценена в рамках оппозиции *русские (христиане) — половцы (иноверцы-язычники)*: эта парадигма, конечно, диктует новое отношение к православному правителю, попавшему в плен к поганым, а бегство из вражеских тенет должно быть истолковано с помощью библейских параллелей-прообразов. Счастливое возвращение Игоря на Русь само по себе с позиций христианского провиденциализма могло истолковываться как свидетельство его прощения Богом и благоволения Господа: если Игорь смог вернуться из плена, значит, он прощен.⁷

Но не менее важно и другое. Владимиро-суздальский летописец постоянно подбирает к событиям своего рассказа резюмирующие библейские цитаты. Но резюмирующие сентенции из Священного Писания имеют однозначный религиозно-нравственный смысл. Рассказ о бегстве Игоря также сопровождается цитатой из Писания. Слова «не оставитъ бо Господь праведнаго в руку грѣшничю» — это реминисценция из Псалтири (Пс. 36: 32—33). Ср. в Киевской Псалтири 1397 г.: «Сматрять грѣшныи праведнаго и ищетъ ум(е)ртвити ѱ. Г(оспо)дь же не оставитъ его в руку его, осудит же его».⁸

⁶ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Стб. 399—400.

⁷ По-видимому, именно из такого понимания исходит А. А. Горский, когда обнаруживает в обеих летописных повестях осмысление истории Игоря «в рамках христианской морали: грех (сопровожаемый отвержением Божья знаменья) — Господня кара — покаяние — прощение». См.: Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 28.

⁸ РНБ, собр. ОЛДП, Ф. 6, л. 50 об.; см. фотокопию в Интернете: http://www.svyatayarus.ru/data/manuscripts/267_kiev_psalter/index.php. Ср. практически идентичный текст в Острожской Библии: Острозька Біблія / Опрацював та приготував до друку ерм. архимандрит др. Рафаїл (Роман Торко-няк). Львів, 2006. С. 909.

Из повествования о походе Игоря Святославича нигде доселе не следовало, что новгород-северский князь проявил себя как праведник. Допустимо предположить, что одно только благополучное возвращение Игоря на Русь не было для летописца достаточным основанием считать северского правителя праведником. Но сам библейский дискурс диктовал такое именование. Нравственная оценка оказывается в этом случае «этикетной» (в терминологии Д. С. Лихачева), вторичной по отношению к стилю текста, от этого стиля зависящей и им продиктованной.⁹

Некоторые отдельные параллели между СПИ и библейскими книгами (зловещие природные явления — знамения),¹⁰ замеченные Р. Пиккио, заслуживают внимания и выглядят допустимыми. Однако попытка «попросту» поместить СПИ в религиозный контекст, пренебрегая *сущностными* различиями и между этим памятником и Писанием, и между СПИ и дошедшими до нас произведениями древнерусской словесности, оказалась неудачной.

Тем не менее, недавно она вызвала подражание — опыт еще более неудачный. Это статья А. Н. Ужанкова «К интерпретации авторской идеи “Слова о полку Игоре”».¹¹ Вслед за Р. Пиккио, хотя и не ссылаясь на него, автор статьи «вчитывает» в текст СПИ мотив покаяния Игоря, содержащийся в повести из Ипатьевской летописи: «Игорь шел за славой, но обрел бесславие — плен. Но нижней, низовой точкой бесславия был побег (потому-то он долго на него не соглашался). А поэтому “чашу бесславия” князь должен был испить до дна и вернуться домой “неславным путем” — бегством из плена. То есть, проявить *смирение*. В этом смысл произведения.

Это — не случайное духовное прозрение Игоря. Князь осмысленно становится на путь возвращения к Богу, Отцу небесному. Надо полагать, это *первое* осмысление произошедшего не было случайным.

Из летописей известно, что он, находясь в половецком плену, призвал из Руси священника. Для него, хотя и оступившегося (кто без греха?), но всё же православного князя, было совершенно очевидно, что *без*

⁹ См. об этом подробнее в моей статье: *Рангин А. М.* Нравственная оценка и библейский дискурс в повести о походе князя Игоря Святославича на половцев из Лаврентьевской летописи // Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации (Кусковские чтения — 2015): Материалы международной научной конференции. М., 2015. С. 266–270.

¹⁰ *Пиккио Р.* «Слово о полку Игоре» как памятник религиозной литературы Древней Руси. С. 438–440.

¹¹ *Ужанков А. Н.* К интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игоре» // Герменевтика древнерусской литературы / Отв. ред. М. В. Первушин. М., 2014. Сб. 16/17. С. 850–885.

покаяния невозможен обратный путь домой. Засвидетельствовать это покаяние пред Богом мог только православный священник».¹²

Интерпретатор исходит из презумпции, согласно которой гипотетические (покаяние в плену) или реальные (просьба о священнике) поведение и умонастроение князя Игоря в половецких кочевьях должны составлять актуальный подтекст СПИ. (Между прочим, вызов Игорем священника — поступок, естественный для православного человека, — свидетельствуя о формальном благочестии новгород-северского князя, еще не говорит о глубине его покаяния.) Но СПИ, как признано сейчас практически всеми учеными, — это текст с глубинной символической, мифопоэтической структурой, с чем соглашается и А. Н. Ужанков, анализирующий символику света и тьмы, а также реки в этом памятнике. Соответственно, и образ князя Игоря Святославича должен читаться здесь в мифопоэтическом коде, а не просто проецироваться на исторического Игоря (точнее, на Игоря летописного — что не одно и то же). Речь идет не о том, что автор СПИ отмечает или опровергает покаяние Игоря, — конечно, нет. Но он пишет *о другом*.¹³ Интерпретатор обязан объяснить, почему автор не упоминает о покаянии Игоря, если это событие якобы составляет один из ядерных мотивов «Игорева песни». Однако объяснения нет.

Зато новые аргументы А. Н. Ужанков находит для толкования Игорева похода как небогоугодного и неблагочестивого деяния. Он обнаруживает в СПИ антитезу *богоугодный и благополучный поход на половцев во главе с Владимиром Мономахом весной 1111 года — неблагогестивый поход князя Игоря в 1185 году*. Одно из оснований для выявления антитезы таково: согласно СПИ, битва князя Игоря Святославича с половцами длилась три, а не два дня, как это было в действительности, и, соответ-

¹² Ужанков А. Н. К интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игорева». С. 875. Все выделения в тексте здесь и далее принадлежат автору цитируемой статьи.

¹³ Так, Б. М. Гаспаров находит среди подтекстов СПИ евангельскую притчу о блудном сыне: *Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игорева»*. С. 195—197. А. А. Горский считает, что и в СПИ, и в притче «наличествует та же последовательность событий: грех — наказание — покаяние — прощение» (*Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»*. С. 30). Однако «наличествование» этого мотива в «повести» об Игоре и в евангельском тексте — явления принципиально разных уровней смысла: если в притче сын прямо кается в грехе (Лк. 15: 18—19, 21), то в СПИ покаяние Игоря как сюжетный элемент отсутствует: этот мотив может лишь «мерцать» в подтексте, причем только через такой гипотетический претекст/интертекст СПИ, как это евангельское сказание о возвращении грешника. Ни о каком личном покаянии Игоря в древнерусском памятнике речь не идет.

ственно, закончилась не в воскресенье, а в понедельник. Но именно на понедельник пришлось окончание битвы Мономаха со степняками.¹⁴ Объяснения, почему сражение Игоря с половцами названо трехдневным, предлагались в исследованиях, посвященных СПИ, неоднократно (символичность числа три, возможность начала ведения отсчета со дня первого, пятничного, сражения со степняками), но останавливаться на них сейчас нет возможности, тем более что А. Н. Ужанков эти толкования даже не упоминает. Главное — иное: в СПИ о походе 1111 года не сообщается, а имя Мономаха *бесспорно* названо лишь один раз, причем в контексте отнюдь не благоприятном для этого князя: узурпировавший отчий престол Игореве деда Олега Святославича и боящийся «звона» его «славы» «Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ». ¹⁵

Несуществующей антитезе *поход Игоря — поход Владимира Мономаха* исследователь дает развернутое идеологическое обоснование: «Поход Игоря Святославича начинается на Светлой Пасхальной неделе. Это святотатство!»¹⁶ Однако, во-первых, СПИ нигде не сообщает об этом факте, оно вообще никак не соотносит поход новгород-северского князя с церковным календарем. Тот факт, что поход Игоря начался на Пасхальной седмице, вычисляется А. Н. Ужанковым на основании известия Ипатьевской летописи, которая, хотя и отличается религиозной тональностью, тоже не ставит акцент на совершении похода в якобы недопустимое время, а лишь называет конкретную дату — 23 апреля, на которое приходилась память святого Георгия, небесного покровителя князя: Игорь Святославич «поѣха из Новагорода мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ». ¹⁷ Во-вторых, у нас нет достаточных данных, позволяющих считать, что решение начинать военные действия на Пасху, предсуди-

¹⁴ Ужанков А. Н. К интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игореве». С. 860.

¹⁵ Ироическая пѣснь о походе на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое ныне наречіе. М., 1800. С. 15, текст перепечатанных восьмушек первого издания. Далее СПИ цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте статьи. Значит ли лексема *уши* 'орган слуха' или же 'воротные скобы, проушины' (по-видимому, это один из частных в СПИ примеров омонимической игры), в данном случае неважно: характеристика Владимира Мономаха однозначна, и она далеко не лестная.

¹⁶ Ужанков А. Н. К интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игореве». С. 875.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 637.

тельное с ригористической церковной точки зрения, считалось таковым же в княжеской среде.

Еще один идеологический аргумент А. Н. Ужанкова таков: «Святое Писание, по которому должны жить православные князья (и по которому жил Владимир Мономах), запрещало завоевательные походы. Князь обязан защищать пределы своей земли, но не завоевывать чужие. Образец такого сосуществования был положен сыновьями праведного Ноя после потопа. И об этом можно было узнать из “Повести временных лет”, в которую был помещен рассказ о них: “По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю... Симъ же Хамъ и Афеть, разделивше землю, жребыи метавше, *не преступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части*”.

Для истинного православного человека это была аксиома. <...> И сам Александр Ярославич руководствовался этой аксиомой, принимая судьбоносное решение выступить против шведских рыцарей: “Боже хвалный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, основавый небо и землю и небо и землю и *положивы пределы языком, повеле жити не преступающе в гюжую гать <...>*”. Игорь Святославич преследует совершенно иные цели: “Хочу бо, — рече, — копие приломити *конецъ поля Половецкого, ... а любо испити шеломомъ Дону*”. <...> Или же, как говорят бояре великому князю киевскому Святославу: “Се бо два сокола <...> слетеста съ отня стола злата *поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону*”. <...> И в одном, и в другом случаях речь идет об одном и том же: Игорь Святославич предпринял не оборонительный поход, как прежние князья, а **завоевательный!**

Почти двести лет, со времени принятия христианства, Русь не знала завоевательных походов. Поход Игоря — исключение, а потому и вызвал целых три произведения: “Слово о полку Игореве” и две самостоятельные летописные повести». ¹⁸

Владимир Мономах, конечно, отнюдь не всегда жил по евангельским заповедям. Летопись его трудов и походов, включенная в состав Поучения, неоспоримо свидетельствует: «...в княжом ремесле, в мирском поведении Десятословие и Нагорная проповедь им нимало не учитывались». ¹⁹ Наблюдения по поводу заповеди не нарушать чужие границы совершенно справедливы, хотя и не новы. ²⁰ Однако в рассказе Повести временных

¹⁸ Ужанков А. Н. К интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игореве». С 868—869.

¹⁹ Панченко А. М. Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. 1988. № 1. С. 58—59.

²⁰ Мне приходилось об этом писать: Рангин А. М. Об одном мотиве в Житии Александра Невского // Воинство земное — воинство небесное: Мате-

лет о сыновьях Ноя эта норма подана как образец отношений среди князей Рюрикова дома,²¹ но не как запрет, относящийся к посягательствам на земли соседей Руси; а в Житии Александра Невского ее присутствие определяется тем, что в роли нарушителя выступает враг-иноверец. Противопоставление же «оборонительных» походов русских князей-христиан до Игоря «завоевательному» походу новгород-северского князя попросту абсурдно и основывается на разграничении справедливых и несправедливых войн, присущем Новому и даже Новейшему (XX век) времени в «советизированном» варианте. В реальности все походы русских князей против половцев, включая боевые действия 1111 года, были наступательными, являлись вторжением в Степь, которая, впрочем, воспринималась скорее как ничейная земля, чем как владения половцев. То есть формально они были агрессией, а по существу — превентивной войной. Причем именно Владимир Мономах, которого А. Н. Ужанков противопоставляет Игорю Святославичу, первым из русских князей сменил оборонительную стратегию на наступательную: «Так был достигнут решающий перелом в войне с половцами. Военные действия были перенесены в Степь. Русским удалось выявить слабое место своего врага. Нападая весной на половецкие кочевья и разоряя их, они подрывали военный и экономический потенциал противника, истребляли его живую силу, лишали возможности совершать набеги на русские земли. Больше того, страшась русской угрозы, значительная часть половцев вынуждена была покинуть свои кочевья и переселиться подальше от русских границ».²²

Набеги же русских князей на половцев, носившие полуграбительский характер и в этом отношении мало отличавшиеся от нападений куманов на Русь, случались очень часто. Так, в 1171 году «старший брат Игоря Олег напал на владения хана Гзы и захватил в плен его жену и детей; не исключено, что 16-летний Игорь принимал участие в этом походе».²³

риалы XVIII Всероссийской научной конференции памяти святителя Макария. Можайск, 2011. Вып. 18. Эта статья осталась А. Н. Ужанкову, видимо, неизвестной.

²¹ См. об этом, например: *Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15. P. 5–10; Гунтуис А. А. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения — 3. М., 1994. С. 136–141; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 124–125; Timberlake A. «Не преступати предъла братня»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 102–111.*

²² Карпов А. Ю. Владимир Мономах. М., 2015. С. 127.

²³ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 14.

Представление о недопустимости завоевательных войн было глубоко чуждо сознанию Киевской Руси — иным образом древнерусская (как и любая иная) государственность сложиться не могла. Книжники же с почтением вспоминали о русских князьях, которым платили дань покоренные народы («то все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны»), и гордились тем, что от страха перед Владимиром Мономахом «половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выныкиваху, а угры твердыху каменные города желѣзными вороты, абы на них великий Володимерь тамо не въѣхал, а нѣмци радовахуся, далече будучи за Синимъ морем».²⁴

Что же касается похода 1185 года, то «завоевательным» он, конечно же, не был: намерение Игоря и Всеволода «поискати града Тмутороканя» (с. 24), о котором говорят Святославу Киевскому его бояре, — не более чем эпическая гипербола.²⁵ Тмуторокань в это время, по-видимому, принадлежала Византии, а не куманам.²⁶ (Впрочем, Тмуторокань была «дединой» Игоря — в ней княжил некогда Олег Святославич, поэтому его внук мог иметь на город законные права, а не выступал бы в роли захватчика, если бы пытался и вправду завоевать ее.) «Акцию, организованную Игорем, можно оценить как поход среднего масштаба: с одной стороны, он не был мелким набегом, с другой — уступал крупным военным предприятиям».²⁷ Сильнейший резонанс, вызванный в древнерусской книжности походом 1185 года, объясняется не его будто бы исключительной «неблагочестивостью», а исключительностью неудачи — разгромом войска и пленом четырех князей; неудачи, которую предварило солнечное затмение.²⁸

Наиболее «неудобным» фрагментом для интерпретации СПИ как памятника с религиозной семантикой является, несомненно, Плач Ярославны. А. Н. Ужанков предлагает толковать его как своеобразную молитву Святой Троице: «Но как <...> понимать обращение Ярославны к трем природным стихиям?

Весьма правдоподобное, как мне кажется, их толкование предложено в “Беседе трех святителей”, весьма популярной в Древней Руси: “Что есть

²⁴ Слово о гибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 5: XIII век. С. 90.

²⁵ Ср.: Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 17.

²⁶ Литаврин Г. Г. Русь и Византия в XII в. // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 502—505.

²⁷ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 20.

²⁸ Там же. С. 24—30.

высота небесная, широта земная, глубина морская? — Иоанн рече: Отец, Сын и Святой Дух”.

Солнце олицетворяет собой “высоту небесную”, гуляющий по всей земле ветер — “широту земную”, река — “глубину морскую”.

Небо — престол Отца; Сын сошел на землю и оставил на ней свой престол — христианскую церковь; при крещении водой нисходит Святой Дух. То есть, получается, что Ярославна обращается к трем природным стихиям, олицетворяющим три ипостаси Святой Троицы!»²⁹

Истолкование Плача Ярославны как молитвы триединому христианскому Божеству предлагалось и раньше.³⁰ Отмечалось также присутствие в этом плаче переключек с библейскими текстами.³¹ Но в интерпретации А. Н. Ужанкова не ясно, почему ветер — «широта земная», если он принадлежит воздушной стихии, и почему Днепр Словутич должен ассоциироваться с «глубиной морской», если в СПИ реки и море везде отчетливо разграничиваются, причем море отдельно названо Ярославной, и оно — символ слез: «а быхъ не слала <...> слезъ на море рано» (с. 39)?

Кроме того, Плач Ярославны обнаруживает глубинное сходство с заговорами — языческими по происхождению. По мнению Б. В. Сапунова, это языческое заклинание, обращенное к «Солнцу, Воде и Стрибогу». Основание для такой трактовки он видит в структуре плача: «Можно легко установить, что по своему характеру “плач” Ярославны в основной своей части (три абзаца из четырех) является типичным языческим заговором. Структура “плача” повторяет обычную четырехчастную форму заговора, сохранившуюся до XX в., — обращение к высшим силам, прославление их могущества, конкретная просьба и заключение. Большое количество заговоров, записанных в XIX в., еще сохранили обращения к солнцу, месяцу, звездам, заре, ветрам, огню, молнии и другим силам

²⁹ Ужанков А. Н. К интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игоре»». С. 877.

³⁰ См., например: *Якобсон Р. О.* Композиция и космология Плача Ярославны // ТОДРЛ. Л.; М., 1969. Т. 24. С. 32–34. О молитвенной функции Плача Ярославны пишет Р. Пиккио, хотя и признает эту молитву «с церковной точки зрения “неправильной”, если не “языческой”» и «причудливой»; впрочем, он, вслед за Р. О. Якобсоном, не исключает понимания «свѣтлаго и тресвѣтлаго солнца» в плаче Игорева жены как метафоры Святой Троицы: *Пиккио Р.* «Слово о полку Игоре» как памятник религиозной литературы Древней Руси. С. 442–443.

³¹ См.: *Кусков В. В.* Связь поэтической образности «Слова о полку Игоре» с памятниками церковной и дидактической письменности XI–XII вв. // «Слово о полку Игоре». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М., 1978. С. 85; *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игоре» // Там же. С. 49, примеч. 32.

природы».³² Исследователь безапелляционно отрицает распространенную трактовку Плача Ярославны как художественного приема, а не как языческого заклинательного обряда.

Истолкование Плача Ярославны как действенного языческого заклинания не бесспорно: более чем сомнительна сама возможность появления языческих элементов в их исконной функции в памятнике, написанном на исходе XII столетия, причем содержащем признаки книжного текста и несомненные христианские черты: упоминание о Боге, указывающем путь Игорю в Русскую землю, и церкви Богородицы Пирогощей, к которой отправляется бежавший из плена князь, а также здравицу князьям — участникам похода, построенную на оппозиции христиане — «поганые» половцы.³³

Тем не менее, сходство плача со структурой заговора требует особого объяснения. Как требует его и недавно отмеченное А. А. Туриловым разительное сходство Плача Ярославны с заговором на собаку: «Ты еси вода, ты еси чистота. Течеси из моря в моря сквозе землю Русскую и По-

³² Сапунов Б. В. Ярославна и древнерусское язычество // Слово о полку Игореве — памятник XII века: Сборник статей. М.: Л., 1962. С. 321–322.

³³ Считать заключительную здравицу позднейшей припиской благочестивого редактора нет оснований: приписка явно современна описываемым событиям, так как возгласение здравицы и славы покойным князьям было бы, как уже отмечалось неоднократно, абсурдом. К тому же предположение о позднейшем появлении здравицы не объясняет, почему книжник, благочестивый христианин, решился дополнить будто бы языческий «исконный» текст СПИ. Замечу в связи с вопросом о датировке СПИ, что отнесение его создания к 1198 году (году вокняжения Игоря в Чернигове) или более позднему времени, как это делает А. Н. Ужанков, неправомерно прежде всего именно потому, что автор возглашает здравицу и славу Всеволоду Буй-туру, умершему в 1196 году. Видеть в упоминании автора о пути Игоря «къ отню злату столу» (с. 40) намек на вступление князя на черниговский престол, на котором когда-то сидел его отец Святослав Ольгович (Ужанков А. Н. К интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игореве». С. 852), безосновательно. «Отним», отчим для Игоря был и новгород-северский престол, на котором его отец находился с 1146 по 1157 год. См.: Яценко Б. И. Святослав Ольгович Черниговский // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4: П — Слово. С. 278; ср.: Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 327–330, л. 121–122; стб. 490, л. 176. При этом в летописи Новгород-Северское княжество именуется именно «отчиной» Ольговичей под 1151 годом: Там же. Стб. 444, л. 160 об. Нужно отметить, что Новгород-Северское княжество в XII веке, по-видимому, не было самостоятельным престолом, а являлось уделом в границах Черниговского княжества; см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. [3-е изд.] СПб., 2008. С. 257; Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: Избранные труды. М., 2009. С. 116.

ловецкую (так! — А. Р.) под землю, а под копаменью (искаженное: по каменью. — А. Р.), и по подкаменью, и по подкорению, измывая всякую скверну и нечистоту».³⁴ В СПИ Ярославна, обращаясь к Днепру, говорит: «Ты пробиль еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую» — и упоминает море, олицетворяющее печаль, горе (с. 39). Совпадение между двумя текстами настолько разительное, что не может быть случайным: либо у СПИ и заклинания был общий источник, либо Плач Ярославны восходит к более ранней версии этого заговора, либо «Игорева песнь» повлияла на заклинание. Так или иначе, близость двух этих текстов свидетельствует о глубоком сходстве и родстве Плача и заговора — жанра магической словесности, кардинально отличающегося от молитвы и даже противоположного ей.

Р. Пиккио и А. Н. Ужанков интерпретируют СПИ в контексте Библии, Священного Писания, приписывая памятнику особенный, «подтекстовый» смысл, в нем не явленный эксплицитно, — мотив покаяния Игоря. При этом они в целом не соотносят поэтику СПИ с поэтикой памятников церковной книжности и не предлагают радикальных реконструкций текста памятника. Такая попытка была недавно предпринята исследовательницей древнерусской гимнографии Н. С. Серegiной, которая разбивает текст СПИ на двадцать песней, соотнося со структурой церковной службы: «1 песнь из 4-х стихов (до слова “рокотаху”) можно уподобить начальным стихирам службы. 20 песнь (заключительное славение из 3 стихов) созвучна заключительному разделу службы (стихирам “на хвалитех”). Славильный финал после скорбных событий вызывает у многих исследователей сомнение в его сюжетной целесообразности. Выявление же его подобия в группе из трех хвалитных стихир, замыкающих церковный певческий цикл, раскрывает эстетическую оправданность “хвалитного” финала. Тогда остальные 18 песней уподобляются **двойному покаянному канону** (по 9 песней). При такой трактовке композиции “Слова о полку Игорева” раскрывается еще один, *покаянный*, слой его содержания, поддерживающийся и другими контекстами, в том числе летописной статьей 1185 г. из Ипатьевской летописи, содержащей покаяние Игоря».³⁵

Однако в сохранившемся виде текст СПИ не вполне соответствует описанной структуре, и потому в предложенной интерпретации проис-

³⁴ Турилов А. А. Народные поверья в русских лечебниках // Отреченное чтение в России XVII—XVIII вв. М., 2002. С. 375.

³⁵ Серегина Н. С. «Слово о полку Игорева» и русская певческая гимнография XII века. М., 2011. С. 32 (выделения принадлежат автору книги).

ходит его подгонка под прокрустово ложе квазигимнографической модели: «Песнь 11 (Сон Святослава) определяет начало второй половины формы (текста СПИ. — А. Р.), песни 12, 13, 14 содержат “Злато слово” Святослава, обращенное к князьям. Здесь мы вводим две перестановки по принципу перевернутого листа, восстанавливающие логику текста, обретающего структуру девятичастной стихирь-осмогласника <...> би-функционально осмысливаемого в обозначенной “канонной” композиции “Слова”. “Злато слово”, являясь центральным (в точке золотого сечения), уравнивает всю композицию “Слова о полку Игореве”». ³⁶

По гимнографической модели реконструируется даже заголовок СПИ. Оказывается, что названием является только сама лексема *Слово*, а всё за ним следующее будто бы относится уже к вступлению: «Такая форма характерна для древнерусской певческой книжности — первое слово выписывается отдельно, в орнаменте заставки из крупных букв (“СТИХИРАРЬ съ богомъ починаемъ...”, “КОНДАКАРЬ с богомъ починаемъ...”), а остальные выписываются обычным форматом букв всей рукописи.

При таком прочтении соотношения заголовка и текста получается четкая стиховая вопросно-ответная форма первого стиха:

СЛОВО

о пльку Игоревѣ, сына Святъславля,
внука Ольгова, не лѣпо ли ны
бѣшетъ, братіе, начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстии?
о пльку Игоревѣ, Игоря Свтѣславича
начати же ся тѣи пѣсни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню». ³⁷

Такое более чем смелое предложение абсурдно: если Стихирарь и Кондакарь — названия определенных богослужебных певческих сборников, то лексема *Слово* не может быть названием текста — она не имеет конкретного смысла, который необходим для заглавия. Недопустима и предложенная разбивка вступления СПИ на строки: нельзя разделять составное сказуемое *не лѣпо бѣшетъ* надвое, разнося именную часть и глагол-связку в разные строки.

³⁶ Серегина Н. С. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. С. 31.

³⁷ Там же. С. 51.

Н. С. Серегина считает, что СПИ написано гимнографическим стихом. Эта гипотеза не нова, но для ее корректного обоснования необходимо было бы доказать несостоятельность других реконструкций ритмики СПИ, согласно которым этот памятник написан, например, двухчастными строками с двумя и тремя ударениями в полустишиях и с использованием элементов аллитерации (этот стих обладает несомненными признаками так называемого северогерманского аллитерационного стиха)³⁸ либо же былинным стихом (с тактом 4/4 при числе слогов в стопе от 4 до 8).³⁹ Разногласия, возникающие между стиховедами при характеристике и реконструкции ритмики СПИ, заставляют вспомнить давнее резонное замечание М. П. Штокмара: «В “Слове о полку Игореде” в том виде, в каком мы его знаем, невозможно проследить единую систему звуковой организации какого бы то ни было типа. Такой организации в нем нет. Исследователи, правильно аргументирующие звуковую организацию “Слова” от *различных систем*, от *многосистемности*, тем самым вопреки предвзятому заданию доказать стихотворную основу “Слова” подтверждают *прозаическую природу* его звуковой организации».⁴⁰

Прослеживая сегментацию, вводимую специальными значками («структурно-пневматическими знаками») в стихирах, Н. С. Серегина аналогичным образом разбивает текст СПИ, выделяя строки-колонны из одного-двух слов: «а быхъ не слала къ нему / слезъ / на море рано!» или «Дльго / ночь / мркнеть / Заря-свѣтъ / запала, / мъгла / поля покрыла».⁴¹ Однако такая сегментация не является обязательной: разделить текст СПИ на строки можно и совсем иначе.

Более чем уязвимой реконструкция текста СПИ оказывается еще и потому, что исследовательница, прибегая к конъектурам, апеллирует не только к гимнографии, но и к фольклору, находя в повести об Игореде

³⁸ Эта идея принадлежит Р. Абихту: *Abicht R. Das südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung // 84. Jahres-Bericht der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Cultur. IV. Abt. Sektion für neuere Philologie. 1907. S. 1–23.*

³⁹ Точка зрения Ф. О. Корша; см.: *Корш Ф. О. Слово о полку Игореде. СПб., 1909. (Исследования по русскому языку; Т. 2. Вып. 6).*

⁴⁰ *Штокмар М. П. Ритмика «Слова о полку Игореде» в свете исследований XIX–XX вв. // Старинная русская повесть: Статьи и исследования / Под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941. С. 82.*

⁴¹ *Серегина Н. С. «Слово о полку Игореде» и русская певческая гимнография XII века. С. 120–121.*

походе элементы фольклорного стиха.⁴² Однако гимнография и жанры песенного фольклора — это две совершенно разные системы, первая из которых принадлежала в Древней Руси к сфере культуры и функционировала в богослужении, а вторая относилась к «низкой» области, к быту, никак не включалась в церковную книжность и ассоциировалась с язычеством. Их симбиоз, а тем более синтез на протяжении всего текста, как это якобы происходит в СПИ, выглядит своего рода культурной шизофренией; если же предположить, что такое возможно, то сама эта возможность требует обстоятельной аргументации.

Гимнографический, или молитвословный, стих за пределами богослужебных текстов встречается в древнерусской словесности в таком памятнике, как Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона.⁴³ Но это произведение церковной книжности, проповедь — текст, очень далекий от СПИ. А, например, Слово о гибели Русской земли, с которым иногда и небезосновательно сближают СПИ, отличается ритмической организацией совсем иного типа: оно «всецело построено по синтактико-интонационной модели сказового стиха».⁴⁴ Это «произведение риторическое, но не церковного, а светского типа. И поэтому его автор обратился к риторическим жанрам русского фольклора и проникся их ритмикой и образностью».⁴⁵

Свою идею о родстве СПИ с гимнографией Н. С. Серегина подкрепляет параллелью между Плачем Ярославны и якобы похожей на него стихирой на Рождество «Сълнце Сыне».⁴⁶ Вот гимнографический текст: «Сълнце сыне. / како тя утаю въ пеленахъ. / Како тя дою. / вьсякаго естъства питателю. / како ты рукама. / държащаго вьсячьская. / како без боязни на ты възърю. / на него же не съмѣють възирати. / мьногоочити. / браконейскусяная. / Христа държащи вѣщааше». А в СПИ говорится: «Ярославна рано плачеть / въ Путивлѣ на забрале, аркучи: “О вѣтрѣ вѣтрило! / Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычещи хиновьскыя стрѣлки / на своєю нетрудною крылцю / на моя лады вои? / Мало ли

⁴² Серегина Н. С. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. С. 42–43 и др.

⁴³ Тарановский К. Ф. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XII вв. // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М., 2000. С. 259–260.

⁴⁴ Там же. С. 266 (обоснование — на с. 266–268).

⁴⁵ Там же. С. 268.

⁴⁶ Серегина Н. С. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. С. 123–124.

ти бяшесть горѣ, / подь облакы, вѣяти, / лелѣючи корабли на синѣ-море? / Чему, господине, / мое веселие / по ковылию / развея?»⁴⁷ Ни семантика, ни ритмическая структура двух фрагментов в целом не похожи; сходны лишь анафорическая структура и форма риторических вопросов. Кроме того, прежде чем сблизить СПИ с этим гимнографическим текстом, следовало, как уже было замечено в связи с интерпретацией А. Н. Ужанкова, доказать, что Плач Ярославны не имеет ничего общего с языческими по происхождению заклинаниями-заговорами. А сходство Плача с ними всё же большее, чем с рождественской стихирой.

Основанием для сближения СПИ с гимнографией в книге Н. С. Серegiной (раздел «“Слово о полку Игоре́ве” в контексте гимнографии XII века: опыт словаря») часто оказывается совпадение отдельных лексем, — притом что контекст высказываний может быть абсолютно непохож. Вот лишь один пример: параллель между фразами «невеселая година встала», «встала обида в силахъ» и «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы» из СПИ и «мъртвии всташа поспѣшаше ко тебе Христорь» из гимнографии.⁴⁸ Понятно, что здесь совпадают отдельные слова, но не их конкретные смыслы.

Н. С. Серegiна не отрицает присутствия в тексте СПИ языческих (по крайней мере, по своему генезису) элементов, но делает ответственным за них не автора-христианина, а Бояна: «Почему автор отрекается от стиля Бояна? Ответы в тексте касаются времени (старое, в котором предвещали будущее, и нынешнее, былевое, актуальное), манеры (Боян скачет мыслию-мысию по древу, мыслию летит до облаков, волком рыщет по земле), но что-то важное остается скрытым, понятным лишь для посвященных в образную систему авторского рассказа. Ответы на этот вопрос предстают скрытыми в иерархическом взаимодействии разных планов. Минуя все уровни этой иерархии, можно увидеть противопоставление мировоззренческих систем — сферы язычества и сферы христианства».⁴⁹ Боян для исследовательницы вообще фигура негативная: «...Боянова песня — не слава, а хула! Это тонкий упрек, тончайшая, язвительная ирония. Таковую песню спел бы Игорю Боян, поскольку он оставил дружину в “земле незнаемой”».

Боян был любимцем Олега, который сеял раздоры, и сам своей вожейбой сеял вражду и распри между князьями. В этом и ответ началь-

⁴⁷ Стихи́ра и текст СПИ цитируются по книге Н. С. Серegiной, Плач Ярославны — в разбивке на строки, принадлежащей автору книги: Там же. С. 123–124.

⁴⁸ Там же. С. 274.

⁴⁹ Там же. С. 235.

му стиху “Слова”: “не лепо”, никак нельзя петь разделяющую боянову славу князю “настоящего времени”: та, боянова песнь пришлась на новую песнь, на нового, прошедшего через горький опыт, Игоря; его — “нового” — принимает, прощает Русская земля, на него, нового, надеется». ⁵⁰

Рассматривать проблему пародийности Боянова пласта в СПИ здесь нет возможности — она требует особого обстоятельного анализа. ⁵¹ В целом же рассматриваемая интерпретация образа Бояна грешит подчинением материала навязанной ему извне концепции. У нас нет никаких свидетельств, что «Велесов внук» был «любимцем» князя Олега «Гориславича»-Святославича: песни свои он, как сказано в СПИ, посвящал разным князьям. Тем более нет оснований считать, что давний сказитель «сеял вражду и распри»: в тексте сказано лишь, что он «помняшет бо <...> първыхъ времянь усобицѣ» (с. 3). А сам Олег, который воевал за отчий Чернигов против занявших его Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха и имя которого может означать не только *принесший много горя*, но и *горящий славою или претерпевший много горя*, — в СПИ фигура, по-видимому, далеко не однозначная. ⁵²

Недостаточно обоснованна и трактовка Бояна как певца — выразителя языческого мировидения. Даже если Боян и притязал на обладание магическими способностями и был, по мнению некоторых исследователей, «скорее всего, шаманским певцом, приобретшим свои знания магическими средствами» ⁵³ (что, впрочем, кажется более чем сомнительным для придворного сказителя, жившего через сто лет после крещения Руси), ⁵⁴ нельзя не отметить, что в СПИ его образ соотносится с царем и пророком-псалмопевцем Давидом, ⁵⁵ причем эта соотнесенность прояв-

⁵⁰ Серегина Н. С. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. С. 253.

⁵¹ Н. С. Серегина развивает здесь наблюдения О. О. Сулейменова и А. Ю. Чернова. См.: Сулейменов О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. [2-е изд.] М., 2005. С. 96; Чернов А. Хроники изначного времени: «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб., 2006. С. 119.

⁵² См. об этом, например: Рангин А. М. Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012. С. 61–63.

⁵³ Боура С. М. Героическая поэзия / Пер. с англ. и вступ. ст. Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. М., 2002. С. 27.

⁵⁴ Ср. обзор гипотез о времени жизни Бояна: Дмитриев Л. А. Боян // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5: А–В. С. 149–152.

⁵⁵ См.: Якобсон Р. О. Ущекоталь скача // Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. Vol. 4: Slavic Epic Studies. P. 606; Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 319–320.

ляется в совпадении словесной характеристики, какой Давид наделен в древнерусском Слове на Лазарево воскресение, и описания Боянова песнотворчества.⁵⁶

В российском литературоведении, посвященном изучению русской литературы Нового времени (прежде всего сочинений Пушкина и Достоевского), в постсоветскую эпоху сформировалось течение, названное критически относящимися к нему учеными *религиозной филологией*. Течение, для которого характерны трактовка произведений художественного творчества, содержащих религиозные или квазирелигиозные мотивы, как отражения реального мистического опыта автора и прочтение этих текстов в свете православного вероучения — обычно как не более чем его иллюстраций в образной форме. Нередко такое прочтение принимает характер «благочестивого исправления» литературных произведений — «*идеологического исправления*»,⁵⁷ — то есть интерпретаторского насилия в отношении текста. Это явление объяснимо как реакция на официальный варварский атеизм советской эпохи, но от этого оно не становится менее печальным и тревожным. Объясняя сущность этой тенденции, С. Г. Бочаров заметил: «Нынешняя религиозная филология с очевидностью ориентируется на идеал искусства в составе культа».⁵⁸ Подход, свойственный религиозной филологии, не применим к литературе Нового времени, обретшей автономию, независимость от культа; но при изучении древнерусской словесности он, казалось бы, может быть адекватным. Парадокс, однако же, состоит в том, что и при исследовании русской средневековой книжности адепты такого подхода избирают не жития, проповеди, хождения или даже летописи, которые не просто со-

⁵⁶ См. об этом прежде всего: *Рождественская М. В.* Царь Давид, царь Симеон и вещий Боян // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 104–109. Правда, М. В. Рождественская, обратившая внимание на ряд прежде не отмеченных совпадений между Бояном и Давидом из Слова на воскресение Лазаря, склонна считать Бояна поэтом «мира языческих представлений» в противоположность царю Давиду — «поэту библейско-христианской мудрости» (Там же. С. 108). Конечно, мы можем чисто теоретически допустить, что под пером автора СПИ образ языческого сказителя подвергся некоей «христианизации», однако более простым и логичным было бы предположение о том, что «языческие», «шаманские» элементы в характеристике вешего певца — это не еще живые рудименты древних дохристианских представлений, а всего лишь метафоры, только генетически (но не функционально, не семантически) связанные с «миром языческих представлений».

⁵⁷ *Бочаров С. Г. Р. С.* О религиозной филологии // *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 588 (курсив С. Г. Бочарова).

⁵⁸ Там же. С. 588.

держат религиозные мотивы, но ориентируются на Священное Писание как на модель и образец, а Слово о полку Игореве — произведение, занимающее в этой книжности место уникальное. Е. Г. Водолазкин, подчеркнувший, что СПИ разительно отличается от других древнерусских памятников явной, неприкровенной художественностью, литературностью, констатировал: «Мало-помалу научное сообщество осознает, что уникальность “Слова” является едва ли не главной его особенностью».⁵⁹ Боюсь, нужно признать: осознают далеко не все.

Несколько десятилетий назад Д. С. Лихачев заметил: «Меньше всего в “Слове” той христианской символики, которая столь типична для церковноучительной литературы. Здесь, конечно, сказался светский характер памятника. Эту церковную символику можно усматривать только в образе “мысленного древа”, по которому растекалась мысль Бояна».⁶⁰ Это утверждение не свободно от идеологического отпечатка советской эпохи, в которую появилось: переключек с памятниками церковной словесности в СПИ несколько больше. Тем не менее, по сути своей оно совершенно справедливо. Объяснить место «песни» о князе Игоре в древнерусской книжности можно, лишь признав существование в Киевской Руси светской литературы — традиции, счастливо уцелевшим обломком которой и является СПИ. Такими же обломками ее, вероятно, являются «Девгениево деяние» — перевод-переложение византийской героической поэмы «Дигенис Акрит» (СПИ, по свидетельству его первого издания, находилось в одном сборнике с этим памятником), исконная версия Слова/Моления Даниила Заточника,⁶¹ а возможно, и Слово о гибели Русской земли. (Эта гипотетическая светская литература, безусловно, содержала религиозные мотивы, однако они не определяли всецело семантики этих текстов, а сами тексты не ориентировались полностью на те образцы и модели, которые были безусловными для религиозной книжности.) Только в ряду предполагаемой светской литературы СПИ

⁵⁹ *Водолазкин Е.* Дар «Слова» («Слово о полку Игореве») // Литературная матрица: Внеклассное чтение / Сост.: В. Левенталь, П. Крусанов. СПб., 2014. С. 17.

⁶⁰ *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. М., 1978. С. 36.

⁶¹ В. М. Живов допускает, что Моление Даниила Заточника изначально было текстом светского игрового характера: *Живов В. М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 103. Впрочем, допуская существование такого рода явлений, исследователь считает, что они не образовывали самостоятельного пласта культуры (см.: Там же. С. 73–115).

перестанет быть сиротливо уникальным, перестанет возвышаться «уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности».⁶²

Надо, впрочем, признать, что даже на этом фоне СПИ выделяется своей оригинальностью. Оригинальностью, которая может объясняться тем, что это памятник, возникший на скрещении мифопоэтической традиции и исторического повествования: «Поэзия “Слова о полку Игореве” снимает дуализм двух мировоззрений, она выводит человека из синкретической космогонии мифа в историю как пространство собственно человеческой жизни. Но в отличие от повествовательного зрения христианской литературы, рассматривающей исторический факт в свете вечно трансцендентальной истины, на фоне должного, идеального образца, поэзия обращена не к провиденциальной, а к реальной истории, осуществляющейся в сфере природного бытия».⁶³ Непохожесть СПИ на другие древнерусские сочинения можно объяснить и тем, что это произведение — трансформация исконного фольклорного сочинения, творения придворного певца-сказителя, в книжный текст. Ведь в этом произведении «есть два начала — литературное и фольклорное. <...> Странная такая конструкция, напоминающая хармсовскую кошку, которая, как известно, лишь отчасти идет по дороге».⁶⁴

Эта особенность делает СПИ текстом, все интерпретации которого носят неизбежно гипотетический характер. Мы не знаем контекста, а, следовательно, не знаем жанра и художественного языка памятника. Интерпретации же, исходящие из других интерпретаций-предположений, оказываются уже не гипотезами, а не более чем гаданиями и мнениями. Из сказанного вовсе не следует, что любое истолкование этого текста — герменевтическая катастрофа для исследователя. Толкования необходимы и неизбежны. Нужно лишь помнить, что они должны быть тщательно обоснованными и что выдвигать новые трактовки допустимо, только если все иные, им противоречащие, интерпретации будут изобличены в неадекватности и несостоятельности. «Необходимо осознать свою собственную предвзятость, только тогда текст явится во всей своей инаковости, обретя возможность защищать свою предметную истину от наших собственных предмнений. <...> Эта задача требует от нас удостовериться

⁶² Пушкин [А. С.]. Полное собрание сочинений: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 268 (статья «О ничтожестве литературы русской»).

⁶³ Подкорытова Т. И. Параллель мифа и истории, образа и нарратива в «Слове о полку Игореве» // Русская филология: Ученые записки кафедры литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета. Т. 16 / Сост. и ред. И. В. Романова, Л. В. Павлова, Л. Г. Каяниди. Смоленск, 2015. С. 22.

⁶⁴ Водозазкин Е. Дар «Слова» («Слово о полку Игореве»). С. 23–24.

в собственных предмнениях и предсуждениях и наполнять акт понимания исторической осознанностью, так чтобы, постигая исторически иное <...>, мы не просто выводили то, что сами же вложили». ⁶⁵ Пусть мы не знаем твердо, что такое СПИ и какие смыслы заложены в этом памятнике, зато можем определить, чем оно *не является* и каких смыслов в нем *нет*. Даже это не так уж мало. А конечной инстанцией и судьей может быть только сам текст: в филологии всегда «тексту принадлежит контрольная функция по отношению к интерпретации — принимает он ее или отторгает <...>. Текст кажется беззащитным перед нашими интерпретациями с их смелостью, но он же и неприступен». ⁶⁶

⁶⁵ Гадамер Г. Г. О круге понимания // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного / Сост. М. П. Стафецкий; послесл. В. С. Малаховой; коммент. В. С. Малахова и В. В. Бибикина; пер. с нем. А. В. Михайлова. М., 1991. С. 77–78.

⁶⁶ Богаров С. Г. От имени Достоевского // Богаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 583.